Еще один день прошел в спокойствии, пока Люк стоял в продолговатом, затененном банкетном зале, не зная, чем занять свое время. Он размышлял о посеянных Палпатином семенах сомнения, задаваясь вопросом, было ли это его намерением. Не потому ли он был оставлен один на столько долгих, скучных часов?

После трех лет неустанных, насыщенных адреналином действий на передовой, когда Люк постоянно сталкивался с более могущественным врагом, его охватило непреодолимое чувство скуки и мучения в этой вынужденной тишине. Он проигнорировал пристальный взгляд охранника и безучастно уставился на главный дворец за окнами, вспоминая церемонию его официального завершения, когда он был ребенком, на голографическом изображении. Все это казалось таким далеким и сюрреалистичным, как что-то из голодрамы. К тому времени, когда Люку исполнилось шестнадцать, он мечтал увидеть шпили Корусканта собственными глазами. Он страстно желал отправиться в столицу и предстать перед императорским дворцом, желая лично увидеть эти величественные сооружения.

Вскоре после этого Люк столкнулся с Беном Кеноби, который смотрел ему в глаза с ложью, в которой не было и намека на раскаяние. Люк доверял Бену, был готов сделать для него все, что угодно, но Бен предал его, оставив Люка с чувством, что его используют и пренебрегают. Все, кто его окружал, казалось, использовали Люка ради собственной выгоды. Бен, Вейдер и Палпатин - все они занимались обманом. Что мотивировало их действия? Люк понимал правду, но Палпатин искажал ее в своих собственных целях. Истина оставалась неизменной, но Люк отказывался это признавать. Признание этого означало бы, что та самая слабость, которая привела Вейдера к гибели, также повлияет на Люка. Неизбежного падения и погружения во тьму было невозможно избежать. Попытка убежать от этого не изменила ситуацию, и отрицание не послужило формой защиты. Люк, казалось, был пойман в ловушку бесконечного цикла, становясь все более скованным. До тех пор, пока не стало ясно, куда бежать, и эта реальность продолжала таиться в тени, поджидая его в темноте. Так близко к темноте, что оно завывало, как волк в ночи, и его зов отозвался в нем эхом. Он вспомнил детские кошмары, которые всегда были одинаковыми: он стоял один в крошечной тьме пустыни, на дне глубокого каньона. Звук камней, падающих каскадом вниз по склону позади него, заставлял его сердце учащенно биться от страха. Наблюдая, как исчезает из виду едва различимый силуэт, черное пятно на фоне темноты, волк, крадущийся за ним в тени, вспомнил, как бежал. Он слышал, как его лапы стучат по земле, приближаясь, приближаясь. Его тяжелое дыхание, резкое и прерывистое. Он зарычал, приближаясь так близко, что он мог чувствовать его дыхание на своей шее. Он сморгнул воспоминание, все еще достаточно яркое, чтобы заставить его грудь сжаться.

Был ли прав Палпатин? Могла ли тьма распознать свою сущность? Это было слишком сложно для восприятия, слишком много для одного человека. Он чувствовал, что с каждым днем его силы истощаются, его решимость ослабевает, его отрицания ослабевают. Какой смысл спорить? Кто будет слушать? Даже на самого себя больше не похож.

Он посмотрел вниз, и в голове у него все закружилось от разочарования. Перед его глазами заплесало остаточное изображение окна. Окно. Слова Палпатина эхом отдавались в его голове: "Тюрьма, построенная для содержания джедаев". Он оглянулся на окно, пытаясь сморгнуть пелену слепоты, застилавшую ему зрение. Его взгляд остановился на транспаристиле, различая сложную сеть моноволокон, вплетенных в его структуру. Эти волокна делали материал непроницаемым, не поддающимся разрушению. Несколько недель подряд он трудился, чтобы преодолеть это единственное препятствие в своих поисках: проникнуть за пределы этих покоев. Он снова уставился на толстое, тяжелое оконное стекло, все еще размышляя, почему он принял слова императора за чистую монету. Почему он доверял всему, что говорил ему император? Возможно, потому, что это было правдой. Но это не имело

большого значения. Почему Люк просто сидел там, подчиняясь желаниям императора? Почему он не сопротивлялся, не пытался спасти Хана? Почему Люк не попытался сбежать?

Не имело значения, где он оказался — имело значение только то, что он был не там, где хотел видеть его Палпатин. Суть дела даже не имела значения, поскольку не диктовала, что Люку следует делать. Оставшись наедине со своими мыслями, Люк впервые осознал, что правды было недостаточно, чтобы доказать правоту Палпатина. Простое изложение правды не давало Палпатину контроля над Люком.

Люк возмущенно нахмурился — он не хотел выполнять приказ Палпатина, но ему нужно было найти способ сопротивляться. Как он мог это сделать? Он дал слово остаться и выслушать, а не пытаться сбежать. Люк придерживается условий соглашения, и поэтому он должен сделать то же самое. Если он действительно не попытается уйти, он может проверить гипотезу и понаблюдать за результатом. Палпатин займется умственной гимнастикой, но Люк не должен позволить ему одержать победу. Люк с новой решимостью посмотрел в окно. Оно было чистым и без единого пятнышка, но по краям он мог различить, что оно соединяется с массивной рамой из сплава, встроенной в каменную кладку. Две стороны рамы ясно указывали на толщину стекла, которая превосходила толщину иллюминатора огромного космического корабля.

Внимательно приглядевшись и прищурившись от яркого света, Люк различил два слоя изысканных, неразрывных моноволокон, причудливо сплетенных по всему стеклу и переплетающихся с корпусом из прочного сплава, в который оно заключено. Эти моноволокна, используемые во всех прозрачных иллюминаторах из-за их устойчивости к взрывным воздействиям, как правило, были настолько малы, что оставались незаметными для человеческого глаза при нанесении всего одного слоя. Люк никогда раньше не сталкивался с подобной конфигурацией, поскольку наблюдал нити накала вблизи только в самых больших иллюминаторах военных кораблей. Видимость этих слоев на таком расстоянии предполагала исключительную прочность. Люку нужно было что-то, что могло бы проникнуть сквозь нити, потому что без этого стекло оставалось бы неподатливым к его усилиям. Давление на сложную структуру заставило нити сжаться, тем самым увеличив их упругость.

Сила может быть применена на более обширной территории, но ее обладатель должен проявлять осторожность. Он отвел взгляд, осознавая, как долго он был прикован к окну. Он надеялся, что часовой в углу или любые наблюдатели, следящие за камерами видеонаблюдения, могут воспринять его взгляд как направленный через окно, а не прямо на него.

Он старался не встречаться взглядом с охранником, поскольку это могло послужить визуальным признаком его намерений. Он не должен этого делать — он дал обещание... Не нарушайте эту клятву, просто проверьте ее пределы. А если она не работает, что тогда? Прыгнуть с балкона на главную крышу дворца? С высоты двадцати этажей, благополучно приземлившись на главную крышу? Он уже доказал себе, что такое падение в Облачном городе ему не по силам. И вот оно снова - сомнение. Сомнение в собственных силах. Смог бы он пережить такое падение? Он уже делал это раньше. И если, по счастливой случайности, ему это удастся, что тогда? Бросив все, столкнувшись со сложной системой наблюдения, не имея ни малейшего представления о местонахождении Хана или о том, как его найти? Он знал, что Хан находится где-то внизу, в огромном главном дворце, и что каждый человек там заслужил свое положение благодаря беззаветной преданности императору.

Он был безоружен и знал, сколько охранников обычно патрулирует дворец. После нескольких сотен попыток он перестал считать, поскольку это стало довольно бесполезным. Не было

никакой разумной причины пытаться разбить окно, кроме его недовольства руководством Палпатина. Устав от бездействия, под наблюдением камер наблюдения и охраны, он чувствовал себя подавленным из-за огромного количества охранников, что делало его побег бесполезным. Ему не нужно было вырваться на свободу, он мог просто уйти. Люк едва заметно кивнул, не отрывая взгляда от прозрачного окна. У него был план, но он должен был скрыть его истинную цель за фасадом. Его взгляд блуждал по тускло освещенному обеденному залу, останавливаясь на столе. На его губах играла улыбка.

Мара прошла по полутемным и роскошным коридорам, направляясь из командного центра на самом верхнем уровне в разведывательный центр несколькими уровнями ниже. Сюда ее привел вызов от императора.

Во время путешествия она покинула свои покои в резиденции Скайуокеров и отправилась в неизвестном направлении, причем все верхние и нижние этажи оставались незанятыми. Отчасти это было сделано в целях безопасности, а отчасти из-за экстравагантных укреплений, которые ее Учитель установил для защиты своего драгоценного джедая.

Ни одна из этих мер предосторожности не казалась особенно необходимой. За исключением редких мысленных сообщений, которые она получала от Скайуокера, похожих на мысленный шепот, не было никаких доказательств, подтверждающих его заявления о том, что он джедай. Тем не менее, узнав о его происхождении, Мара с опаской отнеслась к его способностям и внешности. Размышляя об этом, она осознала, что ее опасения по поводу Скайуокера начали рассеиваться из-за его открытого и дружелюбного поведения. Почему он был таким приветливым? Он был опытным военным профессионалом, и она тоже была такой. Он знал, что это не помешает ей быть осторожной, если до этого дойдет, так какова же была его цель? Его беспечное отношение вызывало беспокойство. Она не оценила этого — не хотела, чтобы он заставлял ее смотреть ему в глаза. В этот момент ей не хотелось думать о нем.

Она видела, как менялось выражение его лица в присутствии императора — даже когда поблизости находились другие стражники. Она видела, как рушились его стены. Это было общее переживание между ними, и оно казалось искренним. Искренняя попытка общения — установить какую-то связь без видимой причины. Это ни о чем ей не говорило. А поскольку он умел быть дружелюбным и осторожным одновременно, она сомневалась, что когда-нибудь по-настоящему поймет его. Она снова задумалась о его прошлом, о том, что он редко обсуждал, задаваясь вопросом, где он учился. Он был примерно ее ровесником, так что, должно быть, родился вскоре после того, как джедаи были уничтожены. Тем не менее, он, должно быть, нашел наставника, который мог бы направлять его, поскольку у него была хорошая подготовка. Немногие могли выдержать психологическое напряжение, вызванное присутствием своего учителя, но он выдерживал долгое время. Она знает, что требуется решительный ум, чтобы сохранять концентрацию среди хаоса, который создает его хозяин.

Его спокойное поведение приводит в замешательство, а его искренность и отсутствие здравого смысла являются неожиданными. Она - имперка, а он - ее похититель; было бы разумно, если бы он был невысокого мнения о ней. Однако, благодаря их общению, она не почувствовала, что он судит о ней, основываясь исключительно на ее положении. Такое отсутствие предубеждений вызывает удивление.

В его мыслях всегда присутствует недовольство ею, чувство разочарования из-за того, что она не оправдала его ожиданий. Напротив, присутствие Люка свидетельствовало о простом приятии. Она, конечно, понимала, что ее восприятие его было ограничено тем, что он предпочитал раскрывать. И все же в их общении была глубина честности, которая

пронизывала каждый их разговор. Это было похоже на вглядывание в глубины пруда, и она почувствовала, что ее затягивает.

Она стояла, дрожа от холода, и смотрела, как солнце опускается за неровную линию отдаленных зданий, скрытых облаками. Ее вызвал император, предположительно, чтобы подготовить к ежедневной встрече с джедаями. Люк не завидовал затруднительному положению своего учителя. Он знал, что исход неизбежен, и как можно было сопротивляться такому очевидному знанию? Какой смысл пытаться? Он молча проклинал себя за нарушение одного из своих главных правил — обращаться к своему хозяину по имени. Мара оставалась снаружи комнаты разведки, пока стражники отпирали дверь. Ее повелитель не удостоил ее взглядом, поэтому она низко поклонилась и, тем не менее, вошла. Император рассматривал несколько двухмерных и трехмерных изображений, проецируемых перед ним. На большинстве из них была записана информация, которую она не могла разобрать на расстоянии. Наконец, его взгляд переместился на нее, пронзая голографические проекции.

“Почему ты здесь, если Скайуокер в сознании?” спросил он без предисловий, его тон был лишен вежливости.

Мара нахмурила брови. - Вы велели мне прийти немедленно, господин.

Император нахмурился в ответ. - Я просила тебя не отходить от Скайуокера, когда он бодрствует. “Всегда оставайся поблизости от его комнаты”, - процитировала Мара, стараясь, чтобы в ее голосе не прозвучало ни намека на недовольство. Она знала, что снаружи стоят охранники, и один из них даже присутствовал в комнате, но она также знала о статусе Палпатина как джедая и о том, что, хотя охранники могли помешать ему, они не могли полностью помешать ему осуществить свои намерения. Палпатин замер, и Мара поняла, что он обращается к Силе. Она заметила его широкую улыбку, желтые зубы блеснули в тусклом свете.

- О, я думаю, мой джедай собирается совершить неосторожный поступок, - сказал он, но его последние слова потонули в реве общей тревоги. Мара была поражена, и несколько мгновений спустя ее коммуникатор издал настойчивый звуковой сигнал, заставивший ее оглянуться на своего наставника. Он казался удивленным, общаясь с ней через Силу, поскольку сигнал тревоги эффективно устранял любую возможность слышимого общения.

Мысленно выругавшись, Мара развернулась на каблуках и на полной скорости поспешила к покоям Скайуокера.

К тому времени, как Мара добралась до зала, в коридоре стояло около сорока вооруженных стражников. Их оружие было направлено на двойные двери, ведущие в банкетный зал. Портал был приоткрыт, и Мара протиснулась внутрь, держа наготове свое собственное огнестрельное оружие.

Она вступила в суматоху. Там стояло около дюжины часовых, некоторые из которых были дворцовыми стражниками с обнаженным оружием, в то время как другие, одетые в красные плащи, прятали под одеждой силовые пики и пистолеты. Все они стояли спиной к Маре, лицом к противоположному концу комнаты, рядом с камином. Мара посмотрела направо и замедлила шаг, остановившись перед окном. Старинный письменный стол был уничтожен огнем, от него остались только щепки. Окно, сделанное из пластика, было сильно деформировано, его поверхность раскололась на такое количество фрагментов, что стала непрозрачной. Остатки едва держались вместе благодаря тонкой моноволоконной проволоке.

Тяжелая врезная рама, местами прогнувшаяся, трескалась под воздействием силы,

приложенной к ней тем, что по ней ударило, но все же устояла. Это был необычный стол, потому что он был настолько увесистым, что даже не поцарапал поверхность прозрачного транспаристилового окна.

Было ясно, что стол оказался между источником удара и окном, которое было спроектировано таким образом, чтобы выдерживать тройную силу взрыва. Мара подумала, что император, должно быть, переоценил угрозу, когда отдавал приказ о строительстве этой тюрьмы. Даже большие транспаристальные щиты на боевых кораблях передовой линии, таких как "Звездные разрушители", были рассчитаны только на то, чтобы противостоять взрывной силе, в два раза превышающей их мощность. Ее учитель часто замечал, что контроль Ордена джедаев над Силой, похоже, ослабевает, поскольку Темная сторона набирает все больше и больше власти. Грубая сила, которую он демонстрировал, теперь соперничала со всем, что когда-либо демонстрировал император, и впервые она начала беспокоиться о последствиях. Были ли силы Скайуокера равны силам Палпатина? Действительно ли он представлял угрозу?

Она отвернулась, быстро протолкалась сквозь толпу стражников и увидела Скайуокера, который спокойно стоял у стены, заложив руки за голову, и смотрел на камин. - Привет, Мара, - сказал он спокойным и почти беззаботным голосом, как будто его забавляла ее реакция. Мара фыркнула; очевидно, теперь они обращались друг к другу по имени. Как он это обнаружил?

"Вы хотите, чтобы я приказал своим охранникам отступить?" продолжил он, внезапно посерьезнев. Она почувствовала гнев в комнате и увидела, что он улыбается. "Хорошо, успокойтесь", - сказала она охранникам и Скайуокеру. Он слегка повернул голову влево. "Даже не думай об этом..." Мара с решительным выражением лица заявила: "Я серьезно".

Ее взгляд был прикован к сцене, где облаченный в синюю униформу дворцовый стражник целился из специального стрелкового оружия в спину Скайуокера. Мгновение колебания прошло, за которым последовала быстрая корректировка прицела. С резким треском дротик пронесся по воздуху с такой скоростью, что за ним было почти невозможно уследить невооруженным глазом. Он завертелся в воздухе возле плеча Скайуокера, не дав Маре времени среагировать.

Дротик изогнулся и, словно пуля, полетел обратно к стрелявшему, вонзившись в шею охранника. С губ охранника сорвался вскрик, и он рухнул на землю. Мара знала, что генетики Императора тщательно обработали дротик с транквилизатором, рассчитанный на быстрое воздействие на Скайуокера. Стражник едва успел вытащить дротик, как потерял сознание и рухнул без чувств. Атмосфера становилась все более напряженной, и все подались вперед. Мара говорила твердо, понимая, что ей нужно взять себя в руки. Несмотря на первые признаки беспокойства, которые начали закрадываться в ее сознание, она оставалась сосредоточенной на своей задаче — разобраться с другим пленником. Однако на этот раз она столкнулась с джедаем.

В какой-то момент путешествия она позволила себе поддаться спокойствию Скайуокера и его явному нежеланию открыто использовать Силу. Это была старая уловка, имитирующая дружелюбие и сотрудничество, но она оказалась эффективной.

"Я в порядке", - сказала она, и от необычной резкости в ее голосе сердце Мары замерло. - "Я предупреждала тебя не делать этого". Мара убрала оружие в кобуру и потянулась к аптечке на поясе, доставая из нее ампулу. Она вставила ампулу в шприц для внутривенного введения и передала его одному из охранников, кивком указав, чтобы он ввел лекарство джедаю. Тем временем она перезарядила свое оружие и приготовилась.

- Нет, - сказал Скайуокер, слегка поворачиваясь к ней. - Позволь мне сделать это.

Мара подозрительно нахмурила брови. - Почему? - спросила она.

"Потому что я доверяю тебе", - ответил он.

Это было странное заявление, но в нем была какая-то искренность, которая выбила Мару из колеи.

Вызывающе подняв подбородок, она передала свое оружие другому охраннику и взяла у него шприц. Шагнув вперед, она поняла, что если бы Скайуокер хотел убить ее, никто бы ничего не смог сделать, чтобы остановить его. Но она также знала, что он мог бы сделать это давным-давно, судя по выражению его глаз.

Только тогда, когда она приготовилась двигаться дальше, она поняла, что это было испытание другого рода.

Стиснув зубы, она приблизилась, крепко схватила его за левую руку и без сопротивления завела ее за спину. Она навалилась на него всем своим весом, прижимая к стене. Одна ее нога была прижата к его ноге, чтобы она могла подставить ему подножку, если он попытается повернуться.

Она вывернула его запястье и подняла рукав его тонкой льняной рубашки, обнажив вену. Осознавая, что ее собственные руки дрожат от избытка адреналина, а кончик иглы подрагивает, она пробормотала: "Черт возьми!" Он тихо сказал: "Все в порядке". Повернув голову, чтобы посмотреть на нее, он ответил: "Замолчи", - яростно прошипела она. Она не могла сказать, почему это так сильно на нее подействовало, но это был не страх. Это было... Она старалась не заикливаться на этом, когда вводила иглу в его вену, и малиновый туман потек обратно в шприц, когда она ввела содержимое. Мгновение спустя она почувствовала, как расслабились его мышцы. Он оперся другой рукой о стену, ища опоры, и сознание его начало угасать. Его тело обмякло, а дыхание замедлилось. Трудно было сказать почему, но Мара схватила его за руку и вытащила иглу, поддерживая его на весу, пока они медленно опускались на колени. Свет в его глазах начал меркнуть, его сосредоточенность ослабевать. "Почему ты доверяешь мне?" - спросила она, и в ее голосе послышалась настойчивость, требующая ответа. Он мягко улыбнулся, но черты его лица уже расплывались. Она обхватила его голову ладонями и посмотрела ему в глаза.

- Я вижу... дальше... твоего...

Но его глаза закрылись, и она осторожно положила его на пол. Присев на корточки рядом с ним, она взглянула на охранников, вспоминая, где они находятся.

- Уходите! Вернитесь на свои места. Я доложу императору.

Стражники вышли, тихо перешептываясь, в смятении глядя на разбитую пласталь, и выражения их лиц выдавали их беспокойство. Таинственный пленник обладал силой, о существовании которой мало кто подозревал, и даже те, кто знал, как Мара, по опыту знали, что понимать, кто такой человек, и видеть это собственными глазами - две совершенно разные вещи.

Его присутствие заставляло всех чувствовать себя неловко. Наблюдая за его дыханием, не обращая внимания ни на уход охранников, ни на течение времени, она раскачивалась взад-

вперед на каблуках, размышляя. Как он это сделал? Как ему удалось обойти ее защиту? Медленно забытые эмоции тлели в ее сознании, воспламеняясь от отдаленных намеков на его присутствие в Силе. Что же она чувствовала? Закрыв глаза, она ощутила смутный, неразличимый резонанс, проникший в ее мысли. Было ли это сочувствие, чувство вины? Почему он это сделал? Почему она это допустила?

Оставшись одна, она издала нечленораздельный звук — наполовину рыдание, наполовину гнев. С силой ударив его кулаком по грудной клетке, она прекрасно знала, что он этого не почувствует. Когда он лежал без сознания на полу, она бросила в него слова: “Дурак! Дурак, что доверился мне, Люк Скайуокер. Это то, чего ты заслуживаешь! Я воткну нож тебе между ребер, как только взгляну на тебя”.

Она сделала два шага вперед, намереваясь нанести сильный удар ногой, но остановилась как вкопанная, не в силах осуществить свое намерение. Осознав, что кричит на кого-то, кто не может ее услышать, она взяла себя в руки и прошла мимо его тела, отказываясь смотреть вниз. Она закрыла ту крошечную, уязвимую часть себя, которая так легко проникала в его сознание. У нее не было другого выбора, кроме как ощутить его присутствие... но она могла выбирать, слушать ее или нет. Она остановилась у разбитых вдребезги остатков высокопрочного прозрачного стекла и провела пальцем по его поверхности, отметив, что многие нити действительно треснули под воздействием невидимой силы. Она понимала, что при втором ударе стекло, скорее всего, разлетится вдребезги. Ее глаза сузились, она глубоко задумалась, впервые испытывая чувство тревоги за своего хозяина. - Ты слишком много беспокоишься, дитя мое, - сказала Мара, потрясенная, ее нервы и без того были на пределе. Император спокойно пересек комнату, не отрывая взгляда от стеклянной панели.

"Какой силой он обладает", - сказал он с одобрительной улыбкой, совершенно очарованный. В прошлом были и другие джедаи, когда Мара была молода, но ни один из них не был похож на этого. Немногие выжившие после чистки, нашедшие убежище в небольших повстанческих ячейках, рассеянных без какой-либо организации в первые дни существования Империи, становились все меньше и меньше по мере того, как она становилась правой рукой императора. Но она помнила их всех, которых лорд Вейдер привел в Императорский дворец, чтобы встретиться лицом к лицу с их судьбой. Подобно охотнику, возвращающемуся домой со своей добычей, они продержались всего день или два, прежде чем были уничтожены императором. Иногда Мару вызывали, чтобы она стала свидетельницей их гибели, изучила их силы, узнала, на что они способны и что с ними можно сделать — чтобы понять, что значит находиться в присутствии джедая. Иногда он дарил им оружие, иногда - нет. Часто он дарил своим ученикам световой меч и использовал Вейдера против них для собственного развлечения. Некоторые из этих видов оружия были более мощными, чем другие. Некоторые из них были простыми падаванами, сражавшимися с отчаянием; другие были Мастерами, встречавшими свою судьбу со спокойным стоицизмом. Палпатин утверждал, что в конечном счете это не имело никакого значения, поскольку все они встретили свою кончину.

Однако ни один из этих людей не обладал достаточной властью, чтобы бросить вызов Палпатину, иначе они бы сделали это. Ни один из них не обладал такой властью над своим хозяином, и это помешало им осознать опасность. Она едва не высказала свои опасения, едва не выразила свои страхи. Она собиралась спросить, представляет ли Скайуокер угрозу, но сдержалась, понимая, что ее учитель воспримет это как оскорбление его способностей.

Палпатин убрал руку от разбитого окна, на кончике его чистого пальца выступила крошечная красная капелька. Мара уставилась на капельку, рубиново-красное пятнышко на белой поверхности, глубоко потрясенная увиденным. До нее дошло, что она никогда раньше не видела, как истекает кровью ее хозяин. Эта единственная темная капля крови на его бледной

коже привлекла ее внимание к окружающей трансцендентной тишине, как будто время замедлилось, а затем и вовсе остановилось...

Что-то... что-то скрылось, как буря, бушующая в ночи, темные тучи, закрывающие лунный свет. Обман, предательство... верность подвергается испытанию, ставится под сомнение. Все находится в состоянии изменения, капризности. Все меняется, даже мы сами. Ничто не остается нетронутым, судьба покоряется... Кроваво-красное солнце, холодное, как смерть. В ее затуманенном взоре оно на мгновение разделяется и становится двоичным, тишина шепчет загадки... «Сын Солнц...» Небо темнеет, и солнце превращается в бледную луну, и она слышит — чувствует — что-то дикое и первобытное в ночной тишине, словно волк, крадущийся в тени. Пепельно-серая луна снова разжигает кроваво-красный свет, одинокие алые капли падают с небес на землю к ногам мастера, окрашивая подол его длинного горностаевого плаща. Мгновение, это единственное мгновение, натянутое до предела... Огромное количество возможностей вплетено друг в друга, все будущее вращается вокруг этого единственного момента. Один выбор, одна непоколебимая воля. Слабость, которая является силой...

Вой волка в темноте заставил ее вздрогнуть, реальность внезапно вернулась после того, как сюрреалистическое видение исчезло. - Что ты видела? - спросил ее хозяин. Мара медленно покачала головой, словно пытаясь избавиться от навязчивых воспоминаний. Что бы это ни было, оно растворилось в воздухе, как сон.

"Я видела волка, темную фигуру, которая охотилась", - ответила она. "Охотилась на что?" - чуть было не спросил ее хозяин, но, когда она открыла рот, чтобы ответить, изображение исчезло, оставив ее тупо смотреть на своего хозяина. Наконец она отвела взгляд, обводя взглядом комнату, пытаясь вспомнить момент просветления, который миновал.

За всю свою жизнь у нее было всего несколько видений, и когда они происходили, они были сильными и реальными, но они исчезали, как только рассеивались. Она снова покачала головой, обретая дар речи и вспоминая, к кому обращается. "Я прошу прощения, учитель", - сказала она. - Я не знаю, что я видела. Она знала, что он разочарован ее неспособностью контролировать свои видения, поэтому попыталась сменить тему. - Позвольте мне немедленно заменить оконное стекло, - предложила она. - Сделайте это, - нетерпеливо произнес он. Мара склонила голову и бросила взгляд на бесчувственное тело. Затем, повернувшись, чтобы позвать стражу, она поколебалась, прежде чем сказать: "Господин, я прошу прощения. Мне не следовало оставлять его в таком состоянии. Он опасный человек, как я теперь понимаю".

Он спросил: "Только сейчас?" Она уловила нотку разочарования в его тоне. Когда она посмотрела на него, его внимание было полностью сосредоточено на своем товарище. Ей показалось, что о ней забыли.

<http://tl.rulate.ru/book/118587/4734697>